

тельно опираться на церковную традицию толкования Священного Писания и не быть при этом скучным и несовременным. В контексте тех процессов в современной литературе, которые я назвала в одной из своих работ «детективизацией», такие произведения очень важны и, хочется верить, симптоматичны. В отличие от детективов разного рода, предлагающих нам загадки и тайны в виде кодов и шарад, в романе Ю. Вяземского Тайне возвращается ее онтологический статус.

-
1. *Вяземский Ю.* Художник и тайна // Фома. 2008. № 2 (58).
  2. *Трауберг Н.* Вход в евангельское пространство // Там же.
  3. *Вяземский Ю.* Сладкие весенние баккуроты. Великий понедельник. М., 2008. С. 395. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в круглых скобках.
  4. *Роднянская И.* «Вечно новая» Книга: стимулы к пересочинению // Фома. 2008. № 2 (58).
  5. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

О. С. Прокофьева
г. Нягань

Книга «Старожилы: Меморат»

Название данной книги включает в себя ее жанровое определение – меморат. Она составлена сотрудником центральной библиотеки города Нягани Н. Б. Михно и является частью исследовательско-краеведческого проекта, который вошел в программу «Культура Югры 2006–2008» и призван сохранить позитивный опыт старшего поколения.

Избирая определение «меморат», составители исходили из того, что это понятие используется в описании краеведческой деятельности центральных библиотек страны. В публикациях Н. М. Балацкой, Н. А. Масловой – научных сотрудников Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) в качестве инновационных процессов, характеризующих данную сферу культуры, названо расширение исследовательской, собирательской, издательской работы. Они пишут, что библиотечное краеведение все больше «внедряется в соседние области культуры» [1] – музейное дело, архивное. Таким образом, речь идет о создании текстов, имеющих значение документов. В данных обстоятельствах жанр мемора-

та предстает одним из инструментов, позволяющих накапливать фактический материал. В контексте библиотечного краеведения он определяется как письменная запись устных воспоминаний. Таким образом, выходя за пределы фольклора, жанр мемората несколько изменяет свои параметры. Языковые нюансы, вариативность содержания отступают перед вниманием к фактам. Создатели книги «Старожилы», формулируя текст своего проекта, определили его цель как «сбор и фиксирование воспоминаний первопоселенцев города, формирование и издание краеведческого документа – меморат “Старожилы”»*.

Своеобразие возникшей в данном случае жанровой модификации в том, что мемораты получили структурную заданность в виде вопросника, с которым собиратели обращались к информантам. «...Спровоцированных текстов, которых не было бы, не будь наводящих вопросов, ...не так уж мало. Это не значит, что подобные тексты неподлинны», – говорит, ссылаясь на собственный опыт, С. Ю. Неклюдов [2]. Создатели книги «Старожилы» решали краеведческую задачу, направлявшую разговор на этимологию названия города, этнический состав поселенцев, на характеристику причин переселения в данные места, взаимодействие с коренным населением. Вопросник побуждал к обсуждению проблем обустройства приехавших, их профессиональной и производственной деятельности. Предлагалось дать конкретные описания видов одежды, жилья, транспорта. Выяснялась эмоциональная оценка происходившего. Содержалась просьба вспомнить особенно яркие эпизоды, лица, судьбы. Таким образом, были обеспечены относительная сюжетность повествований и целостность книги. Составитель вопросника – Надежда Борисовна Михно – опосредованный соавтор меморатов, поскольку описываемые старожилыми обстоятельства были частью ее детства; воспоминания других стали подтверждением и уточнением ранних ее собственных впечатлений. Дискурс вопросника объединил в себе потребность автора запечатлеть объективную картину прошедшего и в то же время дал возможность идентифицировать личные представления составителя, основанные на ее детских и отроческих наблюдениях.

При том, что спонтанность в получившихся текстах преобладает над сюжетностью, в них есть общие места-скрепы: сходные описания и признания, связанные с основными этапами пережитого. Например, приехавших на место будущего города неизменно поражали природные богатства («рыбы много», «дичи много», лес – бескрайний). Бытовые

---

* Текст проекта хранится в фондах МУ «Няганская библиотечно-информационная система».

невзгоды освоения нового жизненного пространства объединяли («Все друг друга знали и помогали», «боялись только собак», «дружба и взаимовыручка»). В этом совпадали воспоминания и выпускника московского вуза, и сельской девушки из Смоленской области, и рабочего с Урала. Автобиографии соединяются в биографию целой социальной группы – старожилов построенного ими города; книга становится «трансляцией общего знания» [3].

Жанровая модификация, порожденная установкой на объективность и документальность, обусловила противоречивость восприятия книги «Старожилы: Меморат». В ходе ее презентации, а также при неофициальном обсуждении соавторами-информантами выяснилось, что книга была воспринята как источник объективных, именно документальных сведений. Неполное совпадение оценок одних и тех же событий стало причиной появления у тех, чьи воспоминания были записаны, взаимных претензий относительно правдивости. Составители книги оказались перед необходимостью уточнить ее жанровое определение. Оно должно было объяснить правомерность и неизбежность субъективности в книге воспоминаний. Термин «меморат» был продублирован во время общения с авторами воспоминаний двумя понятиями – «очерк» и «мемуары». Таким образом, краеведческий меморат вобрал в себя фактографичность, привязку к конкретным судьбам и событиям («очерк») и в то же время отразил обусловленную личными особенностями рассказчиков избирательность их памяти.

Привлекает внимание стилистическая гомогенность книги при наличии небольших особенностей каждого из повествований. В тексте проекта, частью которого стала книга «Старожилы», заявлена установка сохранять индивидуальные особенности речи. Причин гомогенности видится две:

1. Нарратив составителя, заданный его вопросником.

2. Структура вопросов одинаково сосредоточивала всех опрашиваемых на том, *кем и что* было сделано. Даже этические оценки, эмоциональные характеристики стимулировались такими вопросами («*Что хорошего было, на ваш взгляд, в эти годы? А что отрицательного?*»). В результате возникло доминирование существительного и глагола.

«Отец любил, чтобы мы трудились». «Охотился только для себя, добывал столько, сколько было необходимо семье» [4, с. 11]. *«Люди отца уважали, прислушивались к его мнению, спрашивали совета». «Хотя и работал всю жизнь руководителем, больших денег в семье не было. Было все необходимое для жизни»* [Там же, с. 12]. Эти воспоминания о первом

начальнике Няганского лесоучастка Л. Н. Дедюхине, записанные от его дочерей, сообщают не только о работе и охоте, то есть о хлебе насущном, но и о домашней библиотеке, о музицировании, рисовании, внимании к досугу детей. Эмоциональность рассказа создается именно названием действий и предметов. В их выборе прежде всего и проявляется индивидуальность рассказчиков, в данном случае – как непосредственность и теплота повествования.

В другом повествовании она выражается в сдержанности и деловитости: *«Помню, что несколько раз приходил на станцию поезд из восьми вагонов: четыре спальных, четыре под свинцом, сопровождало их человек тридцать. Возили радиоактивные отходы. Приходил поезд, стоял на станции, потом его отправляли до станции Сергино, и в районе Крестьянки отходы катапультировали. Поезд возвращался назад в Верх-Нейвинск. В 1975 году приезжали проверять уровень радиации, и после этого такие поезда к нам не приходили»* [Там же, с. 75]. Так описывает запомнившийся эпизод бывший начальник железнодорожной станции В. Д. Есаулов. В воспоминаниях этого человека преобладает сосредоточенность на роли в железнодорожной службе дисциплины и порядка, которые ему удавалось поддерживать на должном уровне. Рассказывая о других, он подчеркивает то же стремление: *«В 1973 году из станции Егоришино приехал Нестеров Василий Матвеевич, студент лесотехнического техникума. Железнодорожники помнят его как Васю-лесовода. Было ему лет 19–20, но работал очень хорошо, исполнительный был. Проработал он у нас до 1975 года, потом уехал. Вася занимался озеленением станции, укреплением земляного полотна»*; *«Наша станция была самая зеленая на ветке»* [Там же, с. 74].

Повествования различает разная степень эмоциональности и открытости в описании, в них разнообразно сочетаются воссоздание общего и личного. Так, старожил Нягани Н. Ю. Гуров, вспоминая о работе водителем, свободно соединяет желание сказать о многих и легкость, с которой названы собственные планы и чувства: *«Приехали мы с одного места десять семей. Все работали в одном гараже: Галузин Николай Владимирович, Гайчук Дмитрий Трофимович, Моисеев Эдуард, Мамчик Александр, Панасюк Василий, Душечкин Борис, Валуев Василий. Я думал накопить денег, чтобы купить дом. Мне было уже 38 лет... Лес возили из Пальяново и Лорбы по зимнику. В лесу вырубалась просека под “зимник”, едешь на машине, а кругом одна тайга. Первое время даже страшно было... Леса в те годы отправляли по 20–30 вагонов»* [Там же, с. 72]. Безыскусность повествования не заслоняет зримости образов, ставших

результатом увиденного воочию: *«Поселок строили так: студенты за лето ставили коробки домов, которые распределяли, давали стройматериалы, и жители достраивали их сами. Так были построены многие улицы. Вокруг поселка стоял лес. Даже на леспромхозовский гараж, бывало, садились глухари. Осенью медведь ходил в районе Солдатского ручья»* [Там же, с. 73].

Перечень действий и событий в сочетании с обилием дат, фамилий, героизацией части эпизодов вызывают ассоциации со стилистикой летописи, придают всей книге «Старожилы: Меморат» эпичность. Она органично сочетается с лиризмом, который присутствует в каждом из отдельных текстов как свойство мемуарности. Обилие фактических подробностей, когда сведения о служебной деятельности перемежаются с воспоминаниями о семейных и дружеских отношениях, создает эффект присутствия читателя среди описываемых событий. Можно говорить о поэтике детали, которая характерна для художественной прозы. Таким образом, фактографичность в данном сборнике меморатов вызывает впечатление и документальности, и некоторой художественности, реализуемой через изобразительность и занимательность: *«Деньги для выдачи зарплаты рабочим на химводоснабжение отец получал и возил сам, без охраны. И вот с полным саквояжем денег он с другими рабочими летит в лес на химводоснабжение. И вдруг у вертолета отрываются лопасти, и он падает на землю. Хорошо, что вертолет не очень высоко летел. После падения все, испугавшись, что он может взорваться, побежали в разные стороны, и отец вместе с ними, но, вспомнив о деньгах, он закричал: “Мужики, там же у меня деньги!” – и кинулся в вертолет. Саквояж нашел и потом часто вспоминал. Что думал о деньгах, а не о собственной жизни. И еще все со смехом вспоминают, что Иван Кальсков вез целый рюкзак водки, и у него ни одна бутылка не разбилась»* [Там же, с. 12].

Книга «Старожилы: Меморат» дает материал для размышлений о синкретизме текстов, создаваемых на основе устных нарративов не профессиональными литераторами, а своего рода архиваторами, посредниками между очевидцем и теми людьми, которые предполагаются как звено народной памяти.

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на предложение, содержащееся в вопроснике, говорить и о лучшем и о худшем из запомнившегося, отрицательное теряется среди положительного. Это может быть связано и с особой степенью созидательности труда первостроителей, и с тем, что большинство описанных событий относится к молодости повествователей, то есть ко времени наибольших физических

возможностей человека, надежд, веры в себя. Тем самым, вероятно, имеет место некоторая мифологизация минувшего. Объективная значимость возникшего дискурса (краеведческая, прежде всего) – в его аксиологической наполненности: количество преодоленных трудностей возвышает образы и построенного города, и старшего поколения его жителей, и оставшегося в их сознании чувства единства с природным миром. Такая система ценностей смягчает противостояние между традиционной культурой коренных народов Севера и урбанизированной культурой. В ряде текстов имеет место идея общности жизненных интересов у представителей коренного населения – ханты – и тех, кто поселился в их охотничьих угодьях для добычи леса, нефти. Тем и другим помогали выжить рыбная ловля и охота, сбор дикоросов, представление о масштабности ресурсов окружающей природы.

Синкретизмом и близостью к традиционной культуре, полиморфным авторством краеведческая книга «Старожилы: Меморат» соотносима с постфольклором.

-
1. Балацкая А. Н., Маслова Н. М. О задачах и направлениях работы секции «Краеведение в современных библиотеках» // Библиотечное краеведение Урала как феномен провинциальной культуры: избр. материалы межрегион. научно-практич. конф. 22–23 февраля 2002 г. Екатеринбург, 2002.
  2. Неклюдов С. Ю. Гуманитарное знание и народная традиция. URL: <http://www.ru/newfrp/cnt/librarj/selstid>.
  3. Веселова И. С. Нарратология стереотипной достоверной прозы [Электронный ресурс] // [htm javascript:history,back](#).
  4. Старожилы: Меморат [Электронный ресурс] // МУ «Няганская библиот.-информ. система» / сост. Н. Б. Михно. Нягань. Б/г.